

Л. Н. МАКАРОВА

К ИСТОРИИ АФФРИКАТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (По материалам кировских говоров)

Проблема аффрикат связана с выяснением вопросов вариантов неразличения аффрикат, «равноправности» и «неравноправности», в смысле генетическом, данных вариантов (чоканье, цоканье, «беспорядочное» употребление двух аффрикат, шепелявость, утрата затвора), отражения цоканья в памятниках письменности и, наконец, времени и причин возникновения диалектных разновидностей употребления аффрикат.

Изучение проблемы началось с установления того, как отражается неразличение аффрикат в памятниках письменности, для которых оно было отличительной особенностью и служило критерием определения территориальной принадлежности памятника.

По вопросу о генезисе цоканья в русских говорах и сходных с ним явлениях в других славянских языках имеются в основном две точки зрения, отличающиеся у различных ученых лишь в деталях, — это теория субстратного происхождения этих явлений¹ и теория самобытного, собственно славянского характера их происхождения² в результате фоне-

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, О смешанном характере всех языков, ЖМНП, 1901, сентябрь, стр. 20; В. И. Чернышев, Как произошла мена *ц* и *ч* в русских говорах? РФВ, 1902, 2, стр. 117—118; А. И. Соболевский, Важная особенность старого исконного говора, РФВ, 1909, 3—4; А. А. Шахматов, Древние ляхские поселения в России, «Славянство», 4—6, 1911, Июль—сентябрь, 1911; его же, К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры, РФВ, 1913, XIX, 1, стр. 4, 10; его же, Очерк древнейшего периода истории русского языка, «Энциклопедия славянской филологии», Пг., 1915, стр. 318—319; его же, [реп. на кн.:] Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением согласных..., ИОРЯС, XX, 3, 1915, стр. 357; М. Małeckі, Sakawizm z uwzględnieniem zjawisk podobnych, Kraków, 1929; J. R o z w a d o w s k i, Kilka uwag do przed-historycznych stosunków wschodniej Europy, praojczyzny indoeuropejskiej na podstawie nazw wód, «Rocznik slawistyczny», VI, 1913; А. М. Селищев, Соканье и шоканье в славянских языках, «Slavia», X, 4, 1931; его же, Диалектологический очерк Сибири, 1, Иркутск, 1921, стр. 49—73, 187—221, 292—293; П. С. Кузнецов, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка», 2, 1948, стр. 152; В. И. Лыткин, [реп. на кн.:] В. Г. Орлова, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, ИАН ОЛЯ, 1961, 1, стр. 86; W. V e e n k e r, Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache, Bloomington, 1967, стр. 62—68, 158.

² М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия, Приложение к XXVIII т. «Зап. Акад. наук», 1876, 4, стр. 18—19; Е. Ф. Будде, К истории великорусских наречий; его же, Ответ академику А. А. Шахматову и разбор его последнего мнения об образовании русских наречий, ЖМНП, СССРХV, 1899, сентябрь, стр. 177; П. А. Расторгуев, К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике, «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», 9, JL., 1927, стр. 10; М. Волк-Леванович, Еще к вопросу о «ляшских» чертах в белорусской фонетике, «Slavia», IX, 3, 1930, стр. 500—523; Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных..., Спб., 1913, стр. 107, 140—141, 143—146; 207, 219, 221, 282 (главный вывод сформулирован на стр. 221); его же, О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода, «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1954, стр. 74—75, 93—94; В. Г. Орлова, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., 1959, стр. 118—140.

тических изменений спонтанного характера. Существуют расхождения и по вопросу о том, является ли цоканье изолированным фонетическим явлением или его следует рассматривать как генетически единый процесс в изменении всего ряда свистящих и шипящих.

По мнению Р. И. Аванесова, «цоканье не может считаться специфической особенностью того или иного племенного восточнославянского диалекта, ... оно образовалось на путях скрещивания с русским языком иноязычных финских племен, однако, по внутренним законам русского языка»³. Ему принадлежит первая фонологическая интерпретация специфического положения аффрикат *ч* и *ц*: являясь комбинаторным вариантами фонемы /к/, *ц* и *ч* «не употреблялись в тождественных фонетико-морфологических условиях», и «различение *ч* и *ц* было лишено, таким образом, семасиологической нагрузки», а потому они оказались «слабым звеном в фонетической системе славянских языков». «Предпосылки для появления цоканья были во всех славянских говорах — и в частности, у восточных славян. Но эти предпосылки реализовались лишь при наличии благоприятных условий смешения с языком (диалектом), знающим одну аффрикату»⁴.

Возникновение различных типов неразличения аффрикат, реализации их в различных звуковых вариантах в русских говорах — сложный и длительный фонетический и фонологический процесс, наблюдающийся на протяжении всего исторического периода развития русского языка и не завершённый в настоящее время. При изучении причин и механизмов фонетических изменений целесообразно в первую очередь обратиться к факторам, действующим внутри языковой структуры, и прежде всего к фонологической системе древнерусского языка начала исторического периода его развития.

В фонологической системе древнерусского языка X—XI вв., рассматриваемой без учета диалектных особенностей (точнее, диалектных фонологических систем), в пучке /к/ : /ч'/ : /ц'/ аффрикаты *ч'* и *ц'* не составляли пары по корреляции палатализации, по корреляции звонкости и по назальной корреляции. Глухость, палатальность, иначе говоря, нейтральность по признаку диэзности, неназальность *ц'* и *ч'* были их конститутивными нерелевантными, интегральными признаками. Фонемы, не включенные в коррелятивную систему, обычно подвержены изменениям. Из шести конститутивных признаков древнерусских согласных фонем в оппозиции /ч'/ : /ц'/ лишь один был релевантным — по пассивному артикуляторному органу: /ч'/ — нёбная, /ц'/ — зубная. Таким образом, это были фонемы «слабые» со стороны их перцептивной функции.

Оппозиции /ч'/ : /ц'/ внутри корневых морфем фактически не было: /ч'/ выступала перед *е*, *у*, *и*, *е*, *а*, *ь*, *а/ц'/* только перед *ь*. Теоретически возможная позиция /ц'/ перед *и* внутри корневых морфем отсутствовала. В. В. Иванов приводит следующие примеры оппозиции /ч/ : /ц/ внутри корневых морфем: форма *чѣмь*, заменившая *чимь*, заимствованные *цѣта* и *цѣркы* с производными и *царь*⁵. При этом время возникновения *чимь* неизвестно, а самое раннее употребление слова *царь* и производных от него относится к XIII в. (1267 г.); *цѣта* и *цѣркы*⁶ связаны с лексикой определенного тематического цикла. Эти три слова, вероятно, отсутствовали в живых русских говорах X—XI вв., в особенности в крайнем повго-

³ Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров, ИАН ОЛЯ, 1952, 2, стр. 169—170.

⁴ Р. И. Аванесов, Очерки диалектологии рязанской мещеры, «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М., 1949, стр. 227—228.

⁵ В. В. Иванов, Историческая фонология..., стр. 160, 163—165.

⁶ Не исключено *чѣркы*, ср. болг. *черква* и *цѣрква*.

родском диалекте. Поэтому можно полагать, что /ч'/ и /ц'/ внутри корневых морфем, несущих основную смысловоразличительную функцию в языке, были взаимоисключающими звуками. По формуле В. К. Журавлева $F = n \frac{D}{N}$, при отсутствии хотя бы одной позиции дифференциации (при $D = \phi$) фонологическая оппозиция отсутствует⁷.

Оппозиции /ч'/ : /ц'/ перед а, у, е, и, ь реализовались на стыке морфем. Итак, оппозиция /ч'/ : /ц'/ характеризуется отсутствием «функциональной нагрузки», определяемой по наличию слов, различаемых данным противоположением.

Для праславянского языка позиции дифференциации для пучка /к/ : /č/ : /с/ были неодинаковыми до и после бодуэновской палатализации. На синхронном срезе между второй и третьей палатализациями /č/ и /с/ противопоставлялись в одной позиции — перед *i*, т. е. сила фонологической оппозиции была минимальной, а после бодуэновской палатализации оппозиция /č/ : /с/ стала характеризоваться семью позициями дифференциации и семью позициями нейтрализации⁸. После «третьей» палатализации в фонологической системе южнославянской изоглоссной области противоположение фонем /č/ : /с/ реализовалось достаточно четко.

Эти фонологические отношения, вероятно, не распространялись на фонологическую систему некоторой части восточнославянских говоров дописьменного и раннего исторического периода. Фонетические изменения могут протекать неодновременно на территории всей языковой области. На периферии изоглоссной области они могут происходить позднее. Вторую палатализацию заднеязычных, давшую у славян аффрикату *č'*, Ф. П. Филин относит к III—IV вв. н. э., а изменение *kv*, *gv* в *cv*, *zv* к V—VI вв.⁹ Не исключено, что хронология для окраинных восточнославянских говоров окажется несколько более поздней. Основание для такого предположения дают факты непоследовательного отражения результатов второй палатализации в северо-западных говорах, засвидетельствованные в древнейших памятниках письменности в собственных именах и в местной лексике¹⁰.

По-видимому, в части северо-западных говоров восточных славян к началу письменности в разных формах парадигмы единая фонема /к/ расщепилась на две вариации: *к* и *к'*. Более позднее время действия второй палатализации заднеязычных на северо-западе восточнославянской языковой области по сравнению с другими изоглоссными славянскими областями привело к ограниченному употреблению *ч'*; в местной лексике, по-видимому, эта аффриката отсутствовала.

Взаимодействие с другими восточнославянскими говорами и усвоение лексики с аффриктой *ч'* изменило отношения в фонологической системе. Малоупотребительный в северо-западном диалекте аллофон *ч'*, близкий по артикуляторно-акустическим признакам к аффрикате *ч'*, вследствие неизбежных в речи артикуляторных отклонений мог отождествиться

⁷ В. К. Журавлев, К понятию «силы» фонологической оппозиции, сб. «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского», М., 1974, стр. 118.

⁸ Там же, стр. 119.

⁹ Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, М.—Л., 1969, стр. 166.

¹⁰ Г. П. Мягченкова, О второй палатализации заднеязычных согласных в формах склонения в новгородской и псковской письменности, «Тезисы докладов научной конференции Новгородского пединститута», 1965, стр. 47—48; С. М. Глушкин, О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров), сб. «Псковские говоры», II, Псков, 1968, стр. 23.

с нею, что обусловило неразличение ч' и ц' в данных говорах. При сложившейся системе потенциально можно было бы ожидать различные варианты неразличения ч' и ц': чоканье и цоканье и совпадение их в промежуточном звуке. Так как противопоставление ч': ц' не имело функциональной нагрузки, то употребление той или иной аффрикаты было вопросом «нормы» и было безразличным для состояния фонологической системы. Но можно полагать, что первоначальным типом неразличения аффрикат было чоканье: моторные ощущения нового звука ц' еще не закрепились, что облегчало субституцию звуков. Бодуэновская палатализация, резко усиливая оппозицию /č/ : /c/, содействовала упрочению в фонологической системе аффрикаты ц'. Но на севере изоглоссной области восточных славян, вероятно, она, как и вторая палатализация, не осуществилась последовательно, о чем свидетельствует наличие диалектных дублетных суффиксов, употребляемых, например, в наименовании ягод: *брусника* — *брусница* (*бруснича*), *черника* — *черница* (*чернича*), *голубика* — *голубица* (*голубича*)¹¹.

Исходя из развития фонологической системы, мы можем сказать, что до второй половины XIII в. вероятность закрепления ч и ц в севернорусских говорах была одинакова, быть может, несколько увеличиваясь в пользу ч как звука с более привычными артикуляциями. Отношения ч и ц к другим фонемам были одинаковы.

Такое предположение подтверждается данными памятников письменности. В. Л. Комарович указывает, что для Миней 1096 г. характерно смешение ч и ц при отсутствии господства одного звука над другим¹². На смешение ч и ц при преобладании ч в Минее 1095 г. обращает внимание М. И. Карнеева¹³. На обоюдную мену ч и ц в новгородских грамотах XIII—XIV вв. указывает А. А. Шахматов, при этом он называет памятники, в которых употребляется исключительно ч¹⁴ (например, грамота № 13 «Наказ новгородским послам...» 1372 г.). В восьми двинских грамотах XV в. употребляется исключительно ч, а в девяти наблюдается безразличное смешение ч и ц¹⁵. Мы исследовали употребление ч и ц в новгородских и двинских грамотах (в издании А. А. Шахматова) по отношению к морфологической структуре слова и установили, что оно не морфологизировано: и ч и ц встречаются и в корне (при этом они могут быть употреблены в абсолютном начале слова), и в суффиксе.

Из позднейших исследователей В. В. Колесов отмечает «безразличное смешение ц и ч... В древнейших новгородских рукописях» (до XIII в.) и «даже преобладание ч над ц», «комбинаторное различение ц/ч» в одних рукописях XIII—XIV в.¹⁶, мягкое цоканье — в других. В. В. Колесов

¹¹ Наименования *брусника*, *черника*, *ежевика*, *боровика* А. Будилович считает общеславянскими, употребляющимися в других славянских языках с суффиксом *ic* (А. Б у д и л о в и ч, *Первобытные славяне в их языке и быте и понятиях по данным лексикальным*, ч. 1, Киев, 1878, стр. 100—101, 321—322). Ср. совр. русск. *брусника*, укр. *брусниця*, белорусск. *брусніца*, болг. *брусница* (корь), серб. *брусница*, чеш. *brusnice*, слов. *brusnica*, польск. *brusnica*.

¹² В. Л. К о м а р о в и ч, *Язык Служебной Октябрьской Миней 1096*, ИОРЯС, XXX, 1925, стр. 36.

¹³ М. И. К а р н е е в а, *Язык Служебной Миней 1095*, РФВ, LXXVI, 3, 1916, стр. 124.

¹⁴ А. А. Ш а х м а т о в, *Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв.*, СПб., 1886, стр. 173—174.

¹⁵ А. А. Ш а х м а т о в, *Исследование о двинских грамотах XV века*, «Исследования по русскому языку», II, 3, СПб., 1903, стр. 74, 80, 107, 110, 114.

¹⁶ В. В. К о л е с о в, *К исторической фонетике новгородских говоров (по рукописям XI—XVI вв.)*. Автореф. канд. диссерт., Л., 1962, стр. 18—21; е г о ж е, *О двух типах цоканья в древненовгородских говорах*, «Сб. студенческих научных работ (эконом., истор., философск., юрид., филолог. и вост. факультетов)», Л., 1963, стр. 257—258.

делает вывод о наличии двух типов говоров по употреблению аффрикат: цокающие говоры самого Новгорода и к югу от Новгорода, говоры с позиционным чередованием *ч/ц* и чокающие на севере Новгородской земли, на Обонежье, а также севернее и восточнее Заонежья. При этом В. В. Колесов утверждает, что позиционное чередование *ч/ц* сформировалось в произношении, а не как орфографическая норма.

Итак, для древнейших новгородских памятников все исследователи отмечают безразличное смешение в употреблении *ч* и *ц* либо преобладание *ч*. После XIV в. при смешении *ч* и *ц* или преобладает *ц*, или наблюдается последовательное употребление *ц*, в двинских грамотах XV в. преобладает *ч*. В таком хронологическом (и территориальном) разграничении употребления аффрикат едва ли следует видеть лишь отражение грамотности писца¹⁷. При этом нельзя не заметить, что при утверждении того, что аффриката *ч* для новгородских говоров является «новой», фактически отрицается первая палатализация *к* и изменение *т* в сочетании с *ј* для данных говоров.

После падения редуцированных, по-видимому, усилилась позиция *ц* в результате слияния фонем /т/ и /с/ на стыке морфем: *к* → *ц'*, *т* + *с* → *ц'*. Появление *ц* в новой позиции послужило импульсом для вытеснения аффрикаты *ч* в других позициях. Основанием для такого предположения служит факт начала утраты чоканья в котельничских чокающих говорах именно на стыке морфем в прилагательных, числительных и возвратных глаголах. При последовательном чоканье в указанной позиции произносятся *ц*. Для дальнейшего развития фонологической системы севернорусских говоров реализация *ч* и *ц* в одинаковых условиях могла быть случайной, если при этом не вступают в действие другие факторы, влияющие на фонетические процессы внутри системы.

Таким фактором для говоров Северной Руси оказалась языковая среда. Влияли и факторы экстралингвистические: численная соотносительность славянского и неславянского населения, социальные и культурные связи, форма государственного устройства и т. д.

*

Исследованию цоканья в живых славянских говорах посвящены работы А. М. Селищева, С. А. Копорского, В. Г. Орловой и др.¹⁸ Д. К. Зеленин дал описание типов неразличения аффрикат на различных территориях, пытаясь в каждом случае объяснить историю их возникновения¹⁹.

Особое место среди перечисленных работ занимает исследование обобщающего характера — монография В. Г. Орловой «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров». В результате всестороннего анализа богатого диалектного материала В. Г. Орлова пришла к выводу, согласно которому чоканье представляет

¹⁷ В. Г. Орлова, История аффрикат..., стр. 8.

¹⁸ А. М. Селищев, Соканье и шоканье в славянских языках, «Slavia», X, 4, 1931; С. А. Копорский, Цоканье в Калининской области, «Материалы и исследования по русской диалектологии», III, М.—Л., 1949; В. Г. Орлова, Цоканье в русских говорах, «Уч. зап. МГУ», 128, 1948; е е ж е, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., 1959; Р. А. Юналев в а, К вопросу об аффрикатах в русских говорах северо-восточной Башкирии, «Уч. зап. Казанск. ун-та», 117, 2, 1957.

¹⁹ Д. К. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Сб. ОРЯС, 76, 2, 1904; е г о ж е, Великорусские говоры с неорганическим и непременным смягчением заднеязычных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913; е г о ж е, О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода, «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 6, 1954.

собой явление более позднее сравнительно с мягким цоканьем; оно возникло под влиянием нормализованного типа языка на почве борьбы с цоканьем в условиях слабого распространения грамотности²⁰.

Исследуя общую картину распространения аффрикат в русских говорах, В. Г. Орлова по необходимости рассматривала говоры Кировской области как района поздней славянской колонизации достаточно комплексно. А между тем говоры Кировской области неоднородны с точки зрения их генезиса. Основной очаг чокающих говоров северо-востока — говоры низовьев Моломы и бассейна среднего течения р. Вятки, а также говоры северо-востока области, так называемые верхнекамские или кайские; начало активного освоения этих земель русским населением относится к XIV—XVI вв. Заселение же окраинных районов происходило поздно. Еще в начале XVIII в. они не входили в состав Вятской земли, конечным пунктом которой на юге была слобода Кукарка (совр. г. Советск), а на севере — с. Порели (совр. Даровской р-н). Ново-Троицкий, Черновской, Шабалинский, Лальский, Подосиновский, Опаринский районы в административном отношении присоединены к Кировской области после второй Отечественной войны. Последние три района и северная часть Даровского заселялись преимущественно в начале XX в. из старейших уездов Вятской губ., в частности, из чокающего Орловского, цокającego Вятского, из Нолинского, из некоторых уездов Вологодской губернии и других губерний России. Кажущаяся бессистемность в употреблении аффрикат в говорах окраинных районов скорее говорит не о путях дальнейшего развития мягкого цоканья, не об отсутствии чисто чокающих говоров, а о смешении говоров с различными вариантами употребления аффрикат в пределах одной территории. По нашему мнению, данному факту должна быть дана не столько диахроническая, сколько ареальная интерпретация.

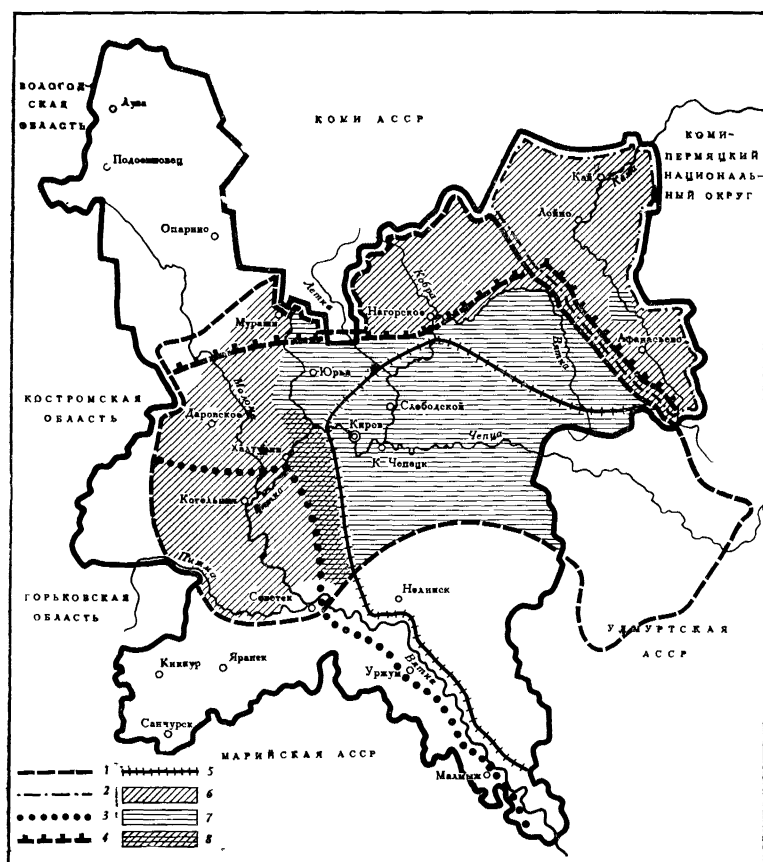
Для изучения истории русского языка коренные вятские говоры, т. е. говоры древней Вятской земли, представляют большой интерес, так как несмотря на относительно позднюю колонизацию славянами этого края они характеризуются сохранением многих архаичных черт, утраченных другими севернорусскими говорами или менее ярко выраженных в них. Специфика развития вятских говоров заключается в том, что Вятская земля как в географическом, так и в административном и культурном отношениях длительное время была изолирована от других областей русского государства и находилась в окружении неславянских соседей: с юга и юго-запада ее находились мари, с севера и северо-востока — коми, с востока — удмурты. Непосредственного и постоянного взаимодействия русских говоров Вятской земли с другими русскими говорами в прошлом не было. В пределах древней Вятской земли (б. Вятский, Орловский, Слободской уу., центральная часть Котельничского у.) по сравнению с другими областями русского государства миграция русского населения была незначительной. При недостатке школ, культурных учреждений, при очень низкой грамотности местного населения влияние литературного языка в дореволюционное время на местные говоры было ничтожным. Все это приводило как бы к некоторой «консервации» вятских говоров.

На территории современной Кировской области представлены все типы употребления аффрикат, выявленные В. Г. Орловой в Европейской части СССР в целом, т. е. говоры с двухаффрикатной системой, говоры с одноаффрикатной системой — чокающие, цокające, с утратой затвора какой-либо одной из аффрикат.

Мы остановимся на характеристике аффрикат в говорах, распространенных в границах исторической Вятской земли (XIV—XVIII вв.), ко-

²⁰ В. Г. Орлова, История аффрикат..., стр. 43—44.

торые являются более архаичными и сохраняются в более «чистом» виде по сравнению с говорами районов позднего заселения. На территории исторической Вятской земли распространены говоры с одноаффрикатной системой — либо с мягким чоканьем, либо с мягким цоканьем; изоглоссы чоканья и цоканья почти совпадают с границами древней Вятской земли.

Карта. Аффрикаты на территории Кировской области: 1 — границы древней Вятской земли; 2 — границы Кайгородского уезда; 3 — северная и восточная границы расселения мари; 4 — южная граница расселения коми; 5 — западная и северная граница расселения удмуртов; 6 — говоры с мягким чоканьем; 7 — говоры с мягким цоканьем; 8 — переходные говоры с неразличением аффрикат

На стыке тех и других, а также на стыке русских говоров с удмуртскими и пермяцкими наблюдаются переходные говоры с частым употреблением палатальной шепелявой аффрикаты.

Наибольший территориальный массив занимают чокающие говоры, все еще недостаточно изученные. Это говоры с одной палатальной шипящей аффрикатой *ч'* или с преобладающим употреблением *ч'* при факультативных *ц'* и палатальной шепелявой *ч'и'*. Они сосредоточены в двух очагах, между которыми вклиниваются узкой полосой говоры с мягким цоканьем, — на западе, в бассейне среднего течения Вятки и ее притока Моломы (б. Котельничский и Орловский уу.) и в северо-восточном углу области: в верховьях Вятки и Камы (б. Кайгородский у.) и в бассейне Кобры (на

территории совр. Нагорского р-на); на юге изоглосса чоканья проходит по р. Пижме (см. карту). Первые условно назовем котельничскими, вторые — кайскими.

Основной очаг составляют котельничские чокающие говоры, отмеченные на территории 10 районов в 108 населенных пунктах; из них в 32 поселениях отмечены чисто чокающие говоры, совсем не знающие аффрикаты *ц*. Кайские чокающие говоры изучены еще меньше, чем котельничские, они отличаются от последних наиболее частым употреблением палатальной шепелявой аффрикаты *ч'и'*, чаще всего соответствующей этимологическому *ч*, и целым рядом других особенностей в системе консонантизма.

Говоры с мягким цоканьем, т. е. имеющие одну палатальную *ц'*, или же с преобладанием палатальной *ц'* при наличии факультативных палатальных *ч'* и шепелявой *ц'и'*, распространены в центральных и восточных районах области, преимущественно в бассейне р. Чепцы и ее притоков, а также в бассейне р. Летки.

Активная колонизация вятских земель славянским населением из Новгорода и новгородских колоний и из Ростово-Суздальского княжества, по мнению большинства историков, началась в XIV в. — не ранее 1374 г., что не исключает проникновения на эту территорию отдельных групп населения в XII и XIII вв. Колонизация Вятского края представляет собой очень сложный и длительный процесс, она продолжалась вплоть до начала XX в. Первоначально была заселена территория между Котельничем и Хлыновым на стыке трех этнических групп: Котельнич был марийским городом Кокшаровым, на месте Хлынова (позднее Вятки, совр. Кирова) была главная молитвенная куала удмуртских племен, на севере к ним примыкали древнепермские племена. В XIV—XV вв. (до 1489 г.) при наличии новгородской, по-видимому, преобладала колонизация из Нижегородско-Суздальского княжества. Связь нижегородцев и суздальцев с Вяткой обусловлена исторически и подтверждена документально²¹. После 1489 г., когда мятежная Вятка была покорена Москвой и ее феодально-торговая верхушка была «разведена» по различным областям Московского государства, в Вятские земли начинается новый приток русского населения — из Новгородского Заволочья, из Устюжских и Двинских земель, «надежных» для Московского князя в борьбе за создание централизованного государства. Русское население Вятской земли в XIV—XV вв. было незначительным. Впервые Вятка «з города и волости» упоминается в грамоте Юрия Дмитриевича Галицкого, написанной около 1434 г. В состав Вятской земли вошли этнические группы будущих удмуртов и мари, составлявших большинство населения Вятской земли.

Русские говоры на Вятке, являющиеся по происхождению ростово-суздальскими, новгородскими и двинскими, складывались в результате внутрорегионального контактирования с местными финно-угорскими.

Котельничские чокающие говоры. На территории распространения современных котельничских чокающих говоров ко времени прихода туда славян жили мари. В Ветлужско-Вятском междуречье мари оформились этнически в X—XI вв.²². В настоящее время на данной территории мари почти нет, но наличие их как исконных обитателей подтверждается данными топонимики. Так, И. Н. Смирнов указы-

²¹ См. договорные грамоты галицких и суздальских князей на владение Вяткой от 1428, 1434, 1440, 1446 гг. (в кн.: «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края», Вятка, 1881).

²² Г. А. Архипов, Происхождение марийского народа по археологическим данным, в кн.: «Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии Марийского НИИ языка, лит-ры и истории», Йошкар-Ола, 1967, стр. 40.

вает топонимы с марийскими формантами *мар* «люди», *нур* «поле», *ял* и *сола* «деревня», *дын* «устье», *тюр* «край», *сир* «берег», *мучаш* «вершина», *беляж* (пеляк) и др. на территории Орловского и Котельничского уу.²³ При этом он сообщает, что в 60 селениях Котельничского у. с марийскими наименованиями марийцы не проживают. В исконно марийском крае, какими были Котельничский и Орловский уу., к первой всеобщей российской переписи 1897 г. в Котельничском у. было всего 610 человек мари при русском населении 271 753 чел., в Орловском у. — 2 марийца на 205 тыс. русских. Распространенные на этой территории топонимы с формантами *-ангер*, *-инер*, *-енер*, *-дур*, *-тур*, *-нур*, *-ер* Б. А. Серебренников также относит к марийским²⁴. На севере граница расселения мари доходила до линии Киров — Котельнич. В северных районах происходило взаимодействие древних мари с древнепермскими народами. Процесс разделения единой древнемарийской народности на диалектные группы был длительным и завершился к XV—XVI вв. Крайнее положение котельничско-орловских мари привело к отрыву их от основной массы марийского населения; в дальнейшем наступил быстрый процесс ассимиляции мари. Малочисленное русское население было также изолированным от славянского населения. Необходимость общения вызвала явление билингвизма: русские, живя в одном селении с мари, при преобладающем большинстве последних, старались подражать их произношению, марийцы же, переходя на русский язык, не усваивали его в полной мере, «подставляя» «в процессе перехода к этому языку свои привычные представления артикуляционных движений для производства звуков. В результате производятся звуки, не всегда тождественные со звуками другого языка, а лишь сходные в той или иной части образования»²⁵.

Тенденция к неразличению /ч/ и /ц/, обусловленная развитием фонологической системы севернорусских диалектов, нашла поддержку в древнемарийском языке. Здесь были две шипящие аффрикаты: какуминальная ч и палатальная ч', восходящие к *tš и *t'š' финно-угорского языка-основы. Древние аффрикаты tš и t'š' сохраняются в современных марийских говорах восточного наречия и в части волжских говоров лугового наречия. Во многих говорах лугового наречия какуминальная tš и палатальная t'š' совпали в ч' палатальной, т. е. большинство марийских говоров являются чокающими. В горном наречии развилось частичное цоканье, а на территории Кировской области в яранском говоре возникло полное цоканье, которое формировалось постепенно, через мягкое чоканье. Развитие цоканья в марийских говорах произошло поздно: в горном наречии — около XVII в., а в йошкар-олинском и яранском говорах после XVIII в.²⁶

Если считать временем существования единой древнемарийской народности период с X—XI вв. по XV—XVI вв., то нужно полагать, что первые славяне на территории марийской Вятки услышали чокающую древнемарийскую речь. Котельничские и орловские мари стали переходить к русскому языку, вероятно, еще на стадии существования древнемарийского языка. Они сохранили свои привычные шипящие

²³ И. Н. Смирнов, Черемисы, Казань, 1889, стр. 17—21, 70.

²⁴ Б. А. Серебренников, Происхождение марийского народа по данным языка, в кн.: «Происхождение марийского народа...», стр. 176—178.

²⁵ А. М. Селищев, Русский язык у инородцев Поволжья, «Slavia», IV, 1, 1925, стр. 27.

²⁶ Л. П. Грузов, Следы финно-угорских аффрикат в диалектах марийского языка, «Советское финно-угроведение», 1965, 4, стр. 245—252; е го ж е, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола, 1965, стр. 171—179; е го ж е, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969, стр. 53—54, 68.

аффрикаты, которые позднее совпали в одной (палатальной). Употребление одной аффрикаты не противоречило норме древних севернорусских говоров.

Следы марийского происхождения аффрикаты *ч* отражаются в современных котельничских русских говорах. Отдельными наблюдателями отмечается, что в некоторых говорах *ч* произносится несколько мягче литературного и с ослабленным взрывным элементом²⁷. Характеризуя *ч* в современных говорах лугового и восточного наречий марийского языка, Л. П. Грузов указывает, что палатальная *ч* в отличие от русского языка характеризуется краткостью и слабостью смычного элемента, а его щелевой (*ш*-образный) компонент имеет более сильный характер²⁸.

На основании сопоставления приведенных фактов вывод о происхождении котельничского чоканья на основе марийского субстрата, на наш взгляд, кажется вполне приемлемым. Но причины возникновения субстратного происхождения чоканья заключались в самой фонологической системе древнерусского языка.

К а й с к и е ч о к а ю щ и е г о в о р ы. Чокающие говоры на северо-востоке области, кайские, сформировались во взаимодействии с местными говорами коми, остатком которых является зюдинский диалект. В настоящее время коми-пермяки имеются только в Афанасьевском р-не, их нет в Нагорском и Верхнекамском р-нах. По данным переписи 1936 г. пермяцкое население не значится на всей указанной территории. Но есть все свидетельства тому, что исконными жителями края были коми-пермяки. О «лецких пермяках» по р. Кobre на территории совр. Нагорского р-на сообщается в «Книге писцовой Вятских городов и уездов князя Федора Андреевича Звенигородского и дьяка Михаила Ордынцева» 1615 г., русских же крестьян в бассейне р. Кобры в начале XVII в. не было. О наличии коми-пермяков в Кайском крае сообщают в своих этнографических работах И. Попов, П. Сорокин, Н. П. Штейнфельд и В. Н. Белицер. Подтверждается это данными археологических исследований и местной топонимикой. Ранний топонимический пласт характеризуется пермяцкими «речными суффиксами» *-ва*, *-ыч* (*-ысь*), *-шор*, *-я*, пермяцкими суффиксами в наименовании селений *-ыб* (*-иб*), *-жуш*, пермяцкими корнями²⁹.

Наиболее интенсивная колонизация Кайского края русскими происходила в XVI в. XVII в. и первая половина XVIII в. были временем расцвета в истории развития Кайгорода и Кайского края. Однако население и в этот период было настолько незначительным для такой большой территории, что ко второй половине XVIII в. не насчитывалось 30 тыс. населения, необходимых для учреждения уезда как административной единицы. Начиная с XVI в., судьбы коми-пермяцкого и русского населения Кайского края оказались тесно переплетенными. Широко были распространены браки между русскими и коми-пермяками. И в настоящее время некоторые из коми-пермяков затрудняются определить свою национальность и считают себя русскими. Зюдинские пермяки отличают себя от пермяков, живущих в Коми-пермяцком национальном округе. Многие пермяки пользуются только русским языком. Переходу на русский язык предшествовал безусловно билингвизм.

Коми-пермяцкие говоры унаследовали из общепермского языка четыре аффрикаты, составляющие две коррелятивные пары по звонкости —

²⁷ А. Г. Мильчакова-Ивакина, Описание говора д. Ивакино, д. Содом, д. Ериши Юмской области Котельничского уезда Вятской губернии, «Труды Вятского пед. ин-та», III, II, Вятка, 1928, стр. 46.

²⁸ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка..., стр. 178.

²⁹ Л. Н. Макарова, Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края), «Очерки по русскому языку», Киров, 1962, стр. 70—75.

альвеолярно-какуминальные $t\check{s} : d\check{z}$, передне-среднеязычные палатальные $t's' : d'z'$, и по палатальности — $t\check{s}' : t's'$ и $d\check{z}' : d'z'$. Глухой свистящей ts в общепермском языке не было³⁰. Коми-пермяцкие $ч'$ и $дз'$ в отличие от русского $ч$ и белорусского $дз$ являются шепелявыми, имеют не свистящую, а шипящую окраску. Употребительность аффрикат была неодинаковой; наименее употребительными являются $тш$, $дж$, $дз$ (меньше 1%), наиболее употребительной — $ч'$ ³¹. При переходе на русский язык коми-пермяки, как и мари, не усвоили отсутствующую в фонологической системе пермских говоров аффрикату $ц$ и стали пользоваться своими привычными $тш$ и $ч'$, тем более, что в русских говорах была склонность не различать $ч$ и $ц$ и пользоваться одной аффрикатой. Способствовала закреплению чоканья в кайских говорах свойственная коми-пермяцким говорам аффрикатизация $дч$, $тч > чч$, а также изменение $дз'ч' > ч'ч'$ ³².

При заимствовании из русского языка севернорусские $ч'$, $ц'$, $ч'ч'$ (шепелявый) в комийском языке передаются через $ч'$ ³³. В отличие от котельничских чокающих говоров в кайских русских говорах аффриката $ч$ чаще произносится шепеляво. Не является ли это сохранением комийской шепелявости?

В кайских говорах не только явление чоканья, но и другие фонетические особенности, не свойственные остальным Кировским говорам, имеют субстратное происхождение: это отсутствие ϕ и наличие билабиального w в абсолютном конце слова и перед глухими согласными, отсутствие начального $в$ перед следующим согласным, отсутствие $х$, ассимиляция йота предшествующему мягкому согласному, отсутствие йота перед начальным $е$ ³⁴.

В свою очередь, пермяцкие говоры испытали сильное влияние русских и значительно изменились. Зюдинский диалект имеет целый ряд своеобразных особенностей. В его словаре много заимствований из русского языка, встречаются фонемы, почти неизвестные в других диалектах коми, часто русские слова подвергаются в нем изменениям согласно законам коми-пермяцкого языка.

Говоры с мягким цоканьем. Территорию распространения говоров с мягким цоканьем издревле занимали удмурты. Центром удмуртских племен была территория современного областного центра г. Кирова. С приходом русских часть удмуртов из бассейна Вятки и с устьев Чепцы переселилась на свободные земли в бассейн среднего течения Чепцы, куда за ними позднее последовали и русские. Верховья Чепцы были освоены русскими в конце XIX и начале XX в.

Русские говоры Вятской земли на территории цоканющей речевой области формировались во взаимодействии с удмуртскими. В современном удмуртском языке, как и в коми, четыре аффрикаты, составляющие те же коррелятивные пары: $\check{ж} (d\check{z}) : \check{з} (d'z')$, $\check{ч} (t\check{s}) : ч (t's')$, $\check{ж} (d\check{z}) : \check{ч} (t\check{s})$, $\check{з} (d'z') : ч (t's')$. В нижнечепецких говорах удмуртского языка в Слободском и Зуевском районах Кировской области $\check{з}$ и $ч$ имеют зубное, а не альвеолярное произношение. Кроме того, в этих говорах на стыке морфем

³⁰ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, М., 1952, стр. 95.

³¹ «Коми-пермяцкий язык», Кудымкар, 1962, стр. 5—8, 71—72, 74. Кроме того, в большинстве диалектов коми начальное «твердое $ч$ ($тш$) перешло в $ч'$ » (В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми-языка, Сыктывкар, 1957, стр. 116—117).

³² В. И. Лыткин, Древнепермский язык, стр. 100; «Коми-пермяцкий язык», стр. 74.

³³ В. И. Лыткин, Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский, «Материалы и исследования по русской диалектологии», II, М.—Л., 1949, стр. 135—143; его же, Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками, «Уч. зап. Рязанск. педин-та», Кафедра русского языка, 1955, стр. 121, 125, 127.

³⁴ Л. Н. Макарова, указ. соч., стр. 70—92.

есть твердая разновидность $\check{z}$ ³⁵, что ведет к появлению дополнительной оппозиции по палатальности $\check{z} : z$ и усиливает положение свистящих аффрикат в фонологической системе нижнечепецких говоров. Таким образом, русские цокающие говоры на Вятской земле в б. Вятском и Слободском уездах оказались в контактировании с удмуртскими говорами, имеющими свистящие аффрикаты, входящие в коррелятивные пары по звонкости и палатальности. Поэтому на данной территории мягкое цоканье в русских говорах, возможно, принесенное ими из двинских говоров в XV в., прочно закрепилось. Не исключено, что оно могло возникнуть и на месте под влиянием нижнечепецких говоров. В северной части Удмуртии, по соседству с русскими цокающими говорами, имеются современные удмуртские цокающие говоры в Ярском, Кулигинском, Кезском районах, а также в Слободском, Зуевском и Унинском районах Кировской области. При этом нужно отметить, что уже в конце XVIII в. в севернoudмуртских говорах цоканье было устойчивой особенностью, о чем можно судить по рукописному словарю Захария Кротова, составленному на основе говора с. Елово Ярского района Удмуртии в 1785 г.³⁶ Таким образом, русское мягкое цоканье в вятских говорах и удмуртское цоканье поддерживали друг друга. Северные удмурты, воспринимая русский язык от вятских цокающих соседей, усваивали его также в цокающем звучании. Например, яркие удмурты, говоря по-русски, цокают.

Итак, кировские (вятские) говоры, на наш взгляд, благодаря своей архаичности как бы в миниатюре и в более позднее время отражают тот фонетический и фонологический процесс в становлении одноаффрикатной и двааффрикатной фонологических систем, который происходил и на других восточнославянских территориях.

Предпосылки неразличения аффрикат в русских говорах восходят, по-видимому, к дописьменному периоду развития русского языка (между 2 и 3-й палатализациями). Процесс становления двааффрикатной системы протекает вплоть до наших дней. В говорах происходит фонологизация бывших аллофонов, $\check{c}$ и $\check{c}'$ как бы борются за место в фонологической системе, укрепляют свои позиции, вступая в оппозиции между собой, увеличивая число позиций различения.

Причиной возникновения цоканья и чоканья и других вариантов неразличения аффрикат является состояние фонологической системы древних окраинных северных говоров восточных славян: вторая и «третья» палатализации в данных говорах осуществились, вероятно, позднее и протекали непоследовательно, что привело к очень ограниченному употреблению $\check{c}$. Близкие по артикуляции и акустическим свойствам $\check{c}'$ и $\check{c}$ были слабым звеном в фонологической системе: не будучи противопоставленными, они не выполняли сигникативной функции по отношению друг к другу, что неизбежно должно было привести к неразличению этих звуков и к конвергенции их.

Следствием этого явилась возможность воздействия на аффрикаты, при наличии контактирования с иноязычными говорами, других языковых систем, в частности, различных финно-угорских говоров, в которых положение аффрикат было более устойчивым. Это повело к возникновению цоканья и чоканья на субстратной основе. Выбор аффрикаты зависел от состояния фонологической системы того финно-угорского говора, в контактирование с которым вступали русские говоры той или иной территории.

³⁵ Т. И. Тепляшина, Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия, «Зап. Удм. НИИ», 21 — Филология, Ижевск, 1970, стр. 159—160.

³⁶ Т. И. Тепляшина, Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова, «Советское финно-угроведение», 1971, 2, стр. 129—139.